

Арина Амстердам

НЕТ ТАКОГО ЯЗЫКА

Арина Амстердам
Нет такого языка

«Издательские решения»

Амстердам А.

Нет такого языка / А. Амстердам — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934189-1

Иногда достаточно начать учить голландский язык, чтобы вся жизнь полетела кувырком. Все персонажи вымышлены. Ни одно совпадение не случайно.

ISBN 978-5-44-934189-1

© Амстердам А.
© Издательские решения

Нет такого языка

Арина Амстердам

© Арина Амстердам, 2018

ISBN 978-5-4493-4189-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Может быть, хотел бы ты... хотела.. Может быть, немного секс?

Его зовут Маартен. Ему 25. Он в Москве недавно, месяца три. Его дом – в маленьком древнем Неймегене, на востоке Нидерландов. Его голландский помягче амстердамского, мне не очень нравится, но уж какой есть.

Его крошечная съемная однушка в центре Москвы выкрашена в белоснежный цвет и гигантский горошек – синий, желтый, красный, зеленый. Подчинена всеобщей перпендикулярности и доверху наполнена стопками книг. Яркими, глянцевыми, с модными названиями и концептуальной ерундой на обложках. Тут и там сверкающие альбомы по живописи. Классической. Академической. Русской. И современной, заморской – Аалто, Ротко, Уорхол, Диор – и манга... Большая книга фотографий Лени Рифеншталь. «Африка». Я видела такую в книжном «Москва» на Тверской. Шесть тысяч рэ. Я ее даже хотела, но не знаю никого, кто бы отважился подарить. Кому бы я намекнуть отважилась. А самой денег жалко.

Мы поднялись к нему после прогулки. После третьей или четвертой прогулки, с заходами в кафе и листанием книжек в детских отделах, с байками о русских и голландцах, с едкими анекдотами о «бэлхах*» и разведками боем в подъезды и чердаки чужих домов. Да, верно, это четвертая встреча. В третью меня бы еще не пригласили. Это был бы плевок в лицо голландским традициям самоогораживания. А в четвертую уже можно – это реверанс в сторону традиций русских – диковатых, но экзотичных, а потому желанных к исполнению...

Всё убранство его одновременно спальни, гостиной и кабинета – это не поддающиеся иному восприятию, кроме духовного, маршруты, широты и долготы, ярусы и норы. У окна большой раз и навсегда разложенный диван, застеленный лоскутным одеялом в нежных розово-голубых цветочках, клеточках, горошках и полосочках. Стенной шкаф, где за матовой стеклянной дверью на колесиках стройным рядом развешены его хипстерские вещи. Малюсенький столик из толстого прозрачного стекла с пузырьками воздуха, с треугольной обтекаемой по углам столешницей и одной ножкой из сатиновой наощупь пластмассы. Поп-артовое красное кресло на замысловатой крестовине. Через всю комнату натянута гирлянда круглых некрашенных лампочек. Уютные... Когда включены, то цвета сверкающего сливочного масла – словами не передать. Ах, вот еще два пуфа. Тоже модный пэчворк. Вроде всё. И штабеля книг с разноцветными корешками. На голландском почти нет, в основном, на английском и русском, некоторые на немецком и французском. Словно щелчок по носу. Типа «Я говорю на куче языков, а ты?» Там еще кухня, просторная, шкафчики нежно сливочные тоже, в трещинках, обнажающих прежнюю, синюю их жизнь, с медными ручками на фасадах. Искусственная древность, но покупает с потрохами. Это теперь я знаю каждый ее уголок, каждую стерильную поверхность. Молотый кофе в банке, рыбный запах от разделочной доски, пачка «парламента» и две – «беломора» на верхней полке тонкой белой кованной этажерки слева от входа.

А тогда, в нашу четвертую встречу, отсчитывались мои первые минуты в его жилище.

– Мы можем заняться любовью... – прозвучало над головой.

Я как раз нагнулась, чтобы поднять с пола стопку книг. Да так и застыла. В этой позе. Посмотрела снизу вверх и прижала книги к груди.

– Если ты хочешь... – дополнил он, видимо, что-то такое в моем взгляде уловив. Что-то, похожее на лёгкий шок. В его лице не было ничего, кроме ровного внимания. Как конфорка «на слабом огне».

«То есть, ты не собираешься меня насилловать?» – отвечаю я сейчас, мысленно. Наедине с собой я такая остроумная, а в тот момент словно цемента наелась.

С его стороны это не было порывом страсти, бесстыдством или развязностью. Просто естественное предложение. Вроде тех, что делают, чтобы соблюсти этикет. Он сказал это так, словно стул мне подал.

Конечно, может, гостя хочет не только чаю с баранками, но и удовлетворить природные инстинкты! Не больно-то я и удивлена, у нас тут тоже цивилизация. Мы тут все поголовно, приглашая знакомых в гости, непременно предлагаем чая, чувствовать себя как дома и сеанс оральной нежности.

Я выпрямилась, и как ни в чем не бывало, положив книги на подоконник, стала просматривать корешки. Кто автор, как называется. Энди Уорхол «Философия Энди Уорхола: от А к Б и наоборот».

Обернулась к Маартену:

– Я думаю, сейчас мы будем пить чай. Ты уже прочитал это?

– Ок. – пропел он, словно сделал красивый вираж на коньках. Он всегда так «ОК» проносил. И до, и после. – У меня есть шёрный и зелёни. Какой тшай ти пиоти?

– «Какой ччччай тыыы пьёёёшь»

– Да, какой чай ти пиош? Что ты спрОсил, я не понял..

– Черный, пожалуйста. Я спросИлаааа, – повторила я медленно и с интонацией, – читал_ли_ты_уже_эту_книгу?

– А, да... Читал. Хочешь ты взять штобы... читать... тоше?

– В другой раз.

– Ти любИшь Уохл?

– Лююююбишь.

– Лююююбишь ты Уохл?

– Уорхола.

– Ок, Уохла. Любишь ты это?

– «Это» – да, а Уорхола не особо... – в свете вышепредложенного я чертовски осмелела.

– Я не понял тебя, – он потер переносицу. – Что ты.. хотел сказать? Уохл не должн я называть «это»?

– Ты предложил мне чай.

– Да, – оживился он, – карашё! Ты будешь ждать две минуты? Не вопрос?

Его зовут Маартен. Он студент. Будущий журналист. Точнее, уже неплохой журналист, а дальше будет просто великий. Упорно и с неизменной старательностью он идет к своей цели. Его специализация – культура, искусство. Отучился в Амстердаме, на факультете журналистики. Проходит стажировку на журфаке МГУ. Мы познакомились на вечеринке в честь Дня Королевы (есть у голландцев такой праздник) в одном московском клубе. Моя коллега, точнее начальница, Л.Л. попросила уделить время его голландскому другу, подтянуть его навыки русского в обмен на подтягивание моих, голландских. Я учу голландский. Уже два года. Низачем, ради фана. Начальница Л. Л. предложила практиковать язык втроем. Как будто мы бы без нее не обошлись. Просто ее голландский беден и неуклюж до полного невладения, а русский не блещет ни красотой, ни многообразием. Маартену с ней неинтересно. А потом Л.Л. укатила в командировку. Так наша первая встреча языковой адаптации прошла без нее. Вторая тоже –

и мы стали входить во вкус. Я – точно. Л.Л. не вписывалась в мою картину этой новой дружбы. Всё-таки вдвоем с Маартеном нам было легко. Как было бы втроем – бог его знает.

Я не буду писать банальностей – «мне нравились наши уроки русско-голландского». Но вечерами дома я не могла вспомнить, на каком именно языке мы проболтали несколько часов. И возвращалась всегда за полночь, едва успевая на последний поезд в метро. Я засыпала, а в голове звучал его голос, произнося отдельные слова и длинные фразы на ломаном русском и чистом голландском. И мой голос. Мои слова и длинные сложные фразы. После него все мысли приходили уже только на голландском. Я не влюбилась, даже близко нет. Хотя, представить его под душем или в своей постели мне ничто не мешало. Да хоть верхом на унитазах. Моя голова – мои причуды. Но как-то потребности такой не было. Даже наоборот, я надеялась не запасть, ведь это мой личный носитель языка. С которым, к тому же, так легко. И так интересно, и смешно. И который с неподдельным интересом впитывает, что бы я ни говорила. Так не каждый день везет. Представлять нас вместе не хотелось, хотелось сохранить нашу случайно сложившуюся, но идеальную дистанцию. Нитку с двумя узелками. Один был завязан на его мизинце, второй – на моем. Ну, образно. Эта невидимая нить не давала нам увеличить расстояние, натягивалась, если мы не общались больше нескольких часов. Но сблизиться не хотелось. Словно сократи мы расстояние, нить провисла бы до земли и спуталась, и запылилась... Я берегла дистанцию, чтобы на нее не налипла банальная бытовая грязь.

– Я слушаю не только то, как ты говоришь, но и то, что именно ты говоришь, – сказал он уже на второй встрече, когда мы сидели в «Покровских воротах» и пили пиво с воблой. – Мне кажется интересным, что есть твои мысли и чувства. Рассказывай мне много и еще. Подробно.

Он сказал это по-русски – с акцентом, конечно, но почти без ошибок. Сомнений быть не могло. Это заготовка. Значит, готовился. Не поразить меня одной чистой репликой, а к некоему разговору. И это не предел, ща будет радовать меня хорошим русским. Тему дискуссии я уже почувствовала. Как запах спирта, по которому ты даже лёжа попой кверху, чувствуешь, что момент укола настал. Я ощутила: именно сейчас мне вколют. Нечто не то что бы болезненное, но всё же повод поморщиться уже есть... Нет, Маартен не принесет халявного и притом отличного репетитора в жертву собственной похоти. Вряд ли он не понял, какой я подарок судьбы – хорошо объясняю, чую трудные места, привожу примеры, провожу аналогии, не теряю энтузиазма. И это бесплатно. Нет, он не переведет меня на должность любовницы. Не предложит забыть цель знакомства и погибнуть в вихре страсти. Он всё рассчитал и взвесил. Он просто совместит. Маартен многое успевает обдумать раньше меня. Потому что я люблю как бы это... Покачать свои мысли в гамаке на золотом берегу океана, где-нибудь под пальмами Ямайки. А он непрерывно думает. У них это национальная забава. Анализ и синтез. Днем и ночью. Наверно, даже на горшках сидят со сосредоточенным и вместе с тем заученно-непринужденным видом. И в гробу лежат с тем же, хоть уже и не думают. Ну, просто по привычке. В общем, он спросил, есть ли у меня молодой человек. Я дала понять, что не настроена на роман, соврала про чувства к некоему бессердечному. Так что дружим только лингвистически. Лингвистически, но не орально. Это не одно и то же. Про «бессердечного» он выслушал с тем же пытливым широко раскрытым взглядом прямо в зрачки, что и любую другую полезную информацию. Потом мы по инерции помолчали, и обоим стало неудобно. А потом мне хватило-таки сил вырваться на другую дорогу. Он больше не намекал, не говорил о личном даже двух слов, вопросов не задавал. Он всё понял. «Как мило, – подумала я, – какой лёгкий народ! Не насупится, не приревнует, вида не покажет, что что-то не так. Наверно всё ОК, я зря придаю этому значение. Вот он, например, не придает».

Но уже к вечеру он весьма уверенно взял меня за руку на светофоре. И хотя на той стороне дороги я деликатно освободилась, его жест был недвусмысленный. «Я хочу, чтобы дорогу мы переходили за руку». Почему-то в этом ощущалось именно не терпящее споров «я так хочу!». В моем освобождении читалось «а я так не хочу». Я тогда прямо-таки затосковала от мысли, что он не внял спичу о любви к другому. Странно только, все его прикосновения, подталкивания в спину, приостанавливания меня у двери или столика в кафе были грубые, жёсткие. Совсем не вязались с дружелюбием речи, и, по правде сказать, настораживали. Навевали мысль о двуличии. Но думать плохо о первом настоящем живом голландце в моей жизни не хотелось.

Наши встречи два раза в неделю и обязательная переписка смсками привели мою жизнь в невиданный тонус. Внешне ничего не изменилось. Не изменилась я и внутренне. Но подтянулась как-то. Новое знакомство напоминало мне встряхнутую колу. Пузырьки постоянно били в небо и нос. Не больно и не то что бы безумно приятно. Просто пузырьки. Просто не дают расслабиться и держат в напряжении, – тормозят, будят. Новая эра, где что ни день, то Голландия, всё глубже в ее язык, культуру, быт. Разведка боем в тылу Нидерландов.

На пятый или шестой вечер мы зашли к нему и без всяких глупых вопросов стащили друг с друга одежду. Под шум кондиционера и топот сбитых с толку сердечных ритмов превратились в два ярких куска пластилина. Идеально-прямоугольные, разных цветов, мы постепенно становились всё теплее и облепляли друг друга, обтекали объятьями, сминались, перемешивались, сгребались в одну пластичную массу, пока не превратились в бесформенный горячий ком плоти на измятой простыне. И тоже не помню, на каком языке мы передавали друг другу сигналы, что, куда, с какой скоростью... Так хорошо мне не было еще никогда. Хотелось раствориться. Мы натрахаились, нашептались и накричались. Это было больше чем секс. Улыбаться, соблюдать этику общения, говорить, что обычно говорят после такого, – или покурить на подоконнике, стряхивая пепел с 8 этажа – ничего этого не хотелось. Оргазм разлился и не отпустил, жалил внутри, расходясь радиацией к легким. Легкие дышали сипло и неровно. Как два приземлившихся парашюта.

– Всё было ОК?

– Да. а.а.а...а...

Зачем этот вопрос, ясно же...

Я сползла с подушки, и свесив голову с края постели, касалась кончиками пальцев прохладного пола. Запястье щекотала цепочка белого золота.

– Ты любишь что-то другое? Какой секс ты хотела бы иметь со мной? Русские девушки любят секс с голландцы?

Молчу. Это ж надо такую ***ню спросить. Нет, мы со снеговиками любим, мы же русские.

– Ты хОтишь что-то еще?

– уУу.

– Значит это ли «нет»?

– Значит. Определенно.

– Можем мы сходишь в кино или заказать вегетариански пицца... И рассказать друг другу свои... Расскажи мне про... Твои indrukken и gevoelens*... Можем мы говорить это?

– А помолчать мы можем? – пол под пальцами приятно прохладный, я чувствую мелкие соринки, их мало...

– Да. Когда ты хочешь.

– Если.

– Пардон?

– Не «когда». «Если»...

– А, спасибо! Я хотел, чтобы ты рассказала мне, какие любние игры ты любил?

– Какие_сексуальные_игры_ты_любишь.

– Да.

Я молчу. Я же так замечательно кончила. И он тоже. Что еще нужно. Ему – вернуться к изучению языка, он марафонец. Я тут – и я не сплю, значит, должна его учить. Ему надо совершенствоваться. Мне – ничего. Я кончила. Меня нет.

Секс влился в наш режим дня и стал неперменным. Словно откажись я хоть раз, и он подал бы в суд по правам человека, обвинив меня в уклонении от взятых обязательств. Я уже заметила, что это его привычка – вводить в повседневность любое понравившееся начинание. Мы пришли к нему в гости, и стали заходить каждый день. Если не к нему, то ко мне. Хоть на пять минут, хоть пописать. Мы взяли с собой на прогулку болонку пенсионерки, что живет от меня через стену, и с того дня я ежедневно должна была аргументировать свое нежелание брать ее на выгул снова. Причем не бабушке, она как раз восприняла этот случай как благодеяние и не помышляла о втором таком. Маартен же, глядя на меня глазами Электроника, у которого в голове всё просто и логично, каждый раз вопрошал «*waagom, почему?*» И правда, почему мы не посвящаем своего времени соседской болонке! Несколько раз я неуклюже мотивировала это нежеланием, не сильной надобностью бабуле и нам, непогодой, тем, что мы в другом конце Москвы (его это, кстати, не смутило, у нас же такое быстрое и дешевое метро! Меньше евро и сорока минут.) И наконец, измученная, как невеста, у которой не осталось отмазок, почему она не хочет замуж за лопухого сына маминой подруги, я набрела на гениальный козырь! Бабуля лишится оздоровительных прогулок, и это подкосит ее старое дряблое сердце. Магические слова для голландца, чьи помыслы всегда о социальной адаптации тех или иных незащищенных групп граждан.

Но я не о болонке. Просто чтобы было понятно, что за перец этот Маартен. У него всё новое вызывает интерес, практически ничто не удивляет, потому что в его стране, где всё стоит на ушах, удивляться не приходится. Иначе это надо делать непрерывно. Он не удивляется. Но любит конкретизировать. До упора. Поэтому с эгоистичным упрямством ребенка задает, точнее, выставляет вопросы. Я приучаю его к мысли, что не намерена удовлетворять ничью любознательность и дотошность. Отшучиваюсь, иногда огрызаюсь. А то совсем обнаглевает. Я показываю и рассказываю, – но я не гид. Не хочу – не рассказываю. И не показываю. В общем, для предельно правдивого описания вполне достаточно назвать его Электроником. И еще, он не ест мяса, не выносит не то, что цирка, а даже зоопарка. Потому что это жестоко по отношению к животным. Он не приемлет жестокость к животным и уязвимым слоям населения, но что-то не заметно, чтобы у него за них душа болела. Просто не приемлет и всё. Беспристрастно. Когда однажды прилетели его друзья, я поняла, что это их общая тенденция. И не только эта. Но о друзьях не будем. Они прилетели, понравились мне, я понравилась им, мы здорово провели неделю и добавили друг друга на Фэйсбуке, потом они улетели. Отличные голландские ребята.

Мы с Маартеном почти не трезвели. Я не знаю, как он умудрялся учиться и работать. Мы то и дело курили косяки того, что у него было всегда. На вопрос, где ты это берешь в незнакомом городе, он отвечал то же, что и на другие вопросы про инбургеринг*. Коротко и ёмко. «Лёха». А, ну да, понятное дело. Откуда еще! Лёха... Лёха то ли учится на журфаке, то ли лаборантствует, причем, наверняка, по сей день. Относится к отряду неизлечимых задготов, вечно нестриженный, несвежий, в засаленных джинсах и стоптанных кроссовках. Леха гений, и несмотря на кажущуюся отчужденность, прекрасно ориентируется в другом измерении, в изнанке Москвы. Знается с неформалами различных пород, знает, где достать дури, какой магазин в районе работает непрерывно и как перепрошить мобильный. А главное, зачем их перепрошивают. Мне всё это неведомо. Живет на пельменях, однако в совершенстве вла-

деет теорией высокой кухни. Не курит в традиционном смысле, причин не объясняя, однако всем видом безмолвно восклицая «что за быдлизм!», но настоящий гурман гашиша и мусоленных журналов с голыми сиськами. Кажется неудачником, но прекрасно говорит по-английски, и трудно назвать место на карте Европы, где он еще не бывал. На замызганном теле этого птенца-переростка тут и там висят не отвалившиеся кусочки хрустальной скорлупы. Птенец, выпавший из дворянского гнезда. Убожество и аристократизм в неповторимом сочетании. МГУ во плоти.

Лёха тихо и неприметно снабжал Маартена гашишом, «мартини» ему поставлял магазин за углом. В клубах не переводилось пиво. Мы не трезвели, но и пьяными себя не ощущали. Просто на подъеме. В эйфории. Мне казалось, это у нас двоих... Не от алкоголя – а вообще... Мне нравился его скользкий взгляд и легкий румянец после выпитого, когда мы ехали к нему или ко мне, чтобы покувыркаться перед сном.

Итак, он познакомил меня с другими иностранными стажерами. И студентами. Они были из разных стран и жили в общежитии МГУ, в крохотных, не больше моей ванной, скворечниках. Вдоль окна как раз помещалась кровать и чуть-чуть пространствочка. То есть метра два с половиной. Вдоль стены, перпендикулярно окну, кровать тоже встала бы, значит, и сюда два метра. Старый, с дверями в трещинах, разошедшийся стеной шкаф. Добротный, высокий – и убогий до ужаса. Воняет застарелой каморкой, где хранятся знамена, самопальные плакаты в пыльных рулонах, вымпелы и прочая дребедень многолетнего использования и многолетнего потом забвения. Свободного места в их комнатках было настолько мало, что барахло сваливалось горами, одежда, книги, конспекты. Обычно эту гору венчал ноут. Занавесок не водилось. А зачем они на каком-нибудь 19 этаже! Кто заглянет? Разве что голуби. Да и те чисто поржать. В их голубятнях и просторнее, и не так засрано.

Я медленно делаю выводы. В этом моя беда. Так было и в тот раз. Я уже месяц знала, как живут другие стажеры-иностранцы, когда меня, наконец, осенило: Маартен живет иначе! Шикарно, по-другому не скажешь. Тот взрыв был самым первым. Никто и не питал иллюзий, что последним. Если в отношении вошло выяснение оных, то назад пути нет. Мордобоям – быть.

Я спросила, сколько стоит аренда такой классной квартирki в столь приличном доме.

– Не знаю... Это не важный. Пожалуй.

Как беззаботно, мне понравилось! И всё же?

– Барский размах тебе к лицу, но не вяжется с прагматичностью вашей нации!

Помню, у меня уже в тот момент заняло подозрение. Смутное, ни на кого конкретно, но совершенно точно. Я мучительно взревновала. И тут же успокоила себя. Да мало ли причин так ответить. Ну кто ему снимает эту хату, если он всё время со мной! За целый месяц ни одного факта подозрительных исчезновений или зашифрованных коротких диалогов по телефону. Нет у него никого. Да и не альфонс он.

– Ты можешь сказать это медленно? Я не понял про размах. Барский – что это? Или «проехали»?

Это его недавнее приобретение. «Проехали». «Закрыли тему». Лёха научил.

– Нет, не проехали, – что-то вредное, детсадовское подбивало меня дознаться, – Другие стажеры из Европы живут в курятниках. А ты – тут! (я обвела рукой любимые, хоть и не царские, хоромы.) – Откуда это?

– Это квартира Лариса.

– Ларисы Львовны?

– Львовни, да. Л.Л.

– И сколько ты за нее платишь? – понятно, чего я больше всего боялась услышать. И услышала.

– Я не плачу. Не плачу. Я просто тут живу.

– Она такая добрая?

– Я ей нравлюсь... По-моему. Ей нравится, чтобы я тут жил. Ей нравится отвозить в гости ко мне.

– То есть... Она тут бывает?

– Сейчас она в Нидерланды находится, ты знаешь.

– А раньше?

– Мне кажется, это не так важно. Мы не были друг другу знакомы еще. Я говорю про тебя и меня. Мы не знали еще друг друга.

– Она была твоей девушкой?

– Нет, пожалуй. Но она находила меня привлекательна.

– То есть, ты живешь тут не совсем бесплатно, верно? Она получает то, что хочет, да?

Маартен, кажется, понял. Его глаза скользнули в сторону, взгляд стал хаотично полировать стены, пол, подоконник. Только ко мне уже не возвращался.

Была бы я русской, я бы замешкалась, смутилась... Но уже месяца два я брала уроки нидерландского, а ничто им так не дорого, как предельная открытость и конкретика.

Собрав всю невозмутимость, натренированную с Маартеном, и мучимая жаждой дознаться, я, как могла, смирила угрозу в голосе и спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.